

Мой учитель — странный человек. Иногда строгий, иногда добрый. Я — Мари, такая же странная ученица. Почему-то так говорит мне Учитель. Странно, что наши мысли так совпадают. Разве это странно, желать быть свободнее? Мне не хочется сидеть в повозке, удерживаемой тётей Карлой. Я ощущала себя странно, неуютно, противно, стоило мне на краткий миг задуматься над собственной слабостью. Будто бы раньше я себе такое не позволяла, будто бы раньше я была сильнее, свободнее.

Впрочем, все может быть, ведь Мари — загадка, и мне нравится, как Учитель пристально пытается меня разгадать. Чего-чего, а ему я могу и открыться, лишь бы самой знать, кем же я была раньше... Мои красные локоны все темнеют, а глаз иногда щиплет, кажется это нехорошо, но кому же я буду жаловаться? Мой Учитель велик, и не будет тратить время на подобную мелочь, мне и самой в скором времени будет по силам подпустить к проблеме. Тем более, глаз болит изредка, за всю нашу поездку лишь два раз заболел, это же пустяк!

И все же...

Вдохнув, моя спина приземлилась на стенку повозки, после чего веки закрылись. Первое мое воспоминание...

Кажется, это было лицо нежной девы. Высеченное из камня, отливающее блеском, светлый и молодой лик успокаивал меня. Милис, так звали святую, под чьим именем собрались все в храме и целой стране. Сколь же великой фигурой надо быть, чтобы около тебя собралось целое государство? Может, не зря я посчитала статую в большом храме живой. Может, она и сейчас может видеть? И помогла мне?

Дядя Роулз говорил, что раньше, я даже не имела ног, меня их лишили за проступок бандиты. Нет, ноги... ноги я помню. Помню, как не было всего что ниже колен: ни маленьких пальцев, ни розовых ноготков, ни меня самой не было.

Позабыв о себе, в меня рывком вошёл воздух, который на миг решил оставить меня, его лучшую. Нет, воздух здесь не виноват. Сама облажалась. Не пустила его в чертоги собственных лёгких из-за старого воспоминания.

Глаза опасливо приоткрылись, вливая в себя чистый свет. Голова очертила ровную линию, вращая шею и оглядываясь.

«Никто не заметил», вновь вдохнув полной грудью, я перемнулась на месте. Сидеть в одном положении так не удобно.

Прошлые леса, поля, луга сменились, изменились до неузнаваемости, как некогда изменилась я. Тропины двух широт для колёс пылью опадали на моем платье, точно та же, как и долгая дорога.

Множество водяных полей, квадратов, разделенных зеленью, встречали меня в королевстве Широн.

Слегка засушливый климат, пытался силой вытянуть из меня силы. И ему это удавалось. Чем ближе мы подъезжали к городу, тем больше я видела.

Засуха в этом месте, казалось, потрескала все стены и сам город. Широн очень богатый город, торговый, но его вид нагонял на меня жути.

— А кто сделал это?! — скинув палец к огромной дырени прямо в центре города, я не

удержалась от восклицания.

— Доченька, откуда мне знать? — тётя Карла пожала плечами окинув город чуть менее безразличным взглядом чем всегда. Временами, на несколько секунд я замечала за ней странную улыбку. В остальное же время, тётя ведет себя спокойнее тихой реки.

— М-м, — чуть высунув язык, на который пришла идея, мне захотелось выкрикнуть. — точно! Учителя спрошу, — я собиралась привычно сорваться с места, но мой носик уткнулся в невидимую преграду.

— Мари, не думаю, что это лучшая идея. Ты и сама это должна понимать, у твоего учителя... сложный характер, а последние дни он и вовсе как на иголках.

Меня осадили слова тёти. Я недоверчиво перевела на неё взгляд, сощурилась и проговорила тише обычного:

— Разве? Не замечала такого.

Тётя Карла чуть улыбнулась, кивнула и кинула глаза в окна:

— Ещё успеешь подобное ощутить.

— Ощутить, не увидеть?

— Ты все правильно услышала. Наш уважаемый маг, не любит выражать свои чувства, или вернее сказать, он не знает? — приемная мать, покачала головой.

Я же, нахмурилась, поджимая губы. Мне казалось, я лучше всех в команде знаю Учителя. «Кто-то знает о нём больше меня», мысль иглой вошла в сердце, неприятно раздался его стук.

— Девочка моя, тебе нечего так на меня поглядывать, — тётя улыбнулась, сверкнув своими глазами и подалась вперёд. Она наклонилась ко мне, взяв в ладонь мои волосы и нежно проведя по ним рукой продолжила вещать. — У тебя шелковистые, послушные локоны, мои же и в лучшие годы не могли похвастаться подобным. У тебя все получится Мари, ты лучше меня. В магии, в красоте, нет не не опускай/не отводи свои глаза, это правда, я знаю, — мои щеки вспыхнули красным, от подобной похвалы, но глаза, как и просили я пыталась не отворачивать. — Нилрем — мальчик себе на уме, но как-то он обмолвился, что ему нравятся сильные личности, не упusti свой шанс, окрепни, стань той, на кого можно опереться и кто может выжить и одна без чужой помощи, — последние слова тёти, прокатились по лицу лёгкой прохладой. И если до этого жар нарастал, то теперь же, рука опустила мои волосы, словно была мертвой, она упала без воли, а сама тётя начала отстранять себя от меня. Я с неустанным интересом слушала родного человека, но он, кажется, уже затухал. — Твоя тётя... не смогла стать таким человеком, в нужное время, в нужном месте. У тебя ещё есть шанс, тебе ещё только предстоит стать подобным.

Строки последнего заклинания звучали очень тихо. Тётя словно сжалась, осунулась, постарела на несколько лет и её лицо заполонили новые морщины. Все это было простым наваждением, моим вымыслом, моей догадкой, и все же...

— Хм, — хмыкнув, тётя ожила, а я моргнула, в растерянности желая сказать слова поддержки, или благодарности, но она успела быстрее. Лукавая улыбка растянулась по всему лицу и заставила меня мыслить о нехорошем. — Неужто, моя дорогая, ты считаешь меня своей соперницей? Божечки, какая ревнивица растёт у меня под крылом.

А мои щеки загорелись, я отвернулась, тут же сложив руки замком и закрыв глаза выдала:

— Ничего подобного. Я уважаю Учителя, но не более.

— Вы друг друга стоите, — чем шире становилась улыбка тёти Карлы, тем сильнее мое лицо заливал красный цвет. — Ну-ну, не дуйся, это же правда!

Не дуюсь я, но тётя сказала все неверно! Мне нравится Учитель, но только как учитель!

К нам в гости, просунулась голова дяди Роулза, он дёрнул острыми ушами, посмотрел сперва на залитую смехом тётю, сам улыбнулся, а после посмотрел на меня и улыбнулся ещё шире, прежде чем выдать:

— А что случилось?

— Просто Мари у нас...

— Тётя!

— Все-все, молчу, молчуном, — она приставила палец к губам, но губы все так же гнулись в улыбке.

— Ну, так не честно, поделитесь секретом, я никому не скажу, — к дяде не спешили тянуться губы тёти, впрочем, она и без шепотка, выдала как на духу, страшный секрет.

— У Мари начались красные дни.

— Я.! — мои губы беззвучно открывались закрывались, а я как поражённая магией земли, её каменной пулей, ошарашено глядела на тётю.

— Поздравляю... — дядя Роулз засмущался, и неловко потёр рукой свои волосы. Из небольшого окошка для него, это сделать не просто. — ...наверное.

Кинув взгляд, и на тётю Карлу, он ей кивнул на меня головой, мне послышался беззвучный вопрос: «Я же правильно сделал?» И, что самое главное, тётя с улыбкой кивнула!

— Тётя! Дядя!

У меня не находилось слов, а внутри разрывались стихии, плескался кипящий огонь, разогретым камнем из меня собирались вылететь неведомые мне слова. Но почему же неведомые? Поднялись же ладони целясь в голову тёти и дяди, сбилось же дыхание словно ноги пробежали больше ста тысяч шагов? Вздутая грудь, в которую я набрала побольше воздуха так и остановилась, когда снаружи зазвучали слова Учителя.

— Кто там шумит? Прекращайте свои споры.

Дядя Роулз потянул свою шею, назад, на ходу проговорив:

— Никаких ссор, просто Мари...

— Дядя!

Он отвлекся, и улыбчиво положил палец на рот. «Я вспомнил, что должен беречь тайну», говорили его глаза, губы же вскинули лёгкое:

— Забыли, Нилрем.

— Забыли... ладно, не буду мучать тебя. Гони повозку на обочину, будет привал, мне надоело сидеть на одном месте.

— Нам же немного ещё до города, сам же видишь.

— Говорю на обочину, значит на обочину, или мне самому...

Затворка закрылась, а голос учителя слился со звуками повозки, таким тихим он стал.

Так и остались мы снова вдвоем. Вернее, втроём, Джинкс, ещё слишком маленькая, но она даже не проснулась от моих криков, или проснулась, но плакать не собиралась. Я иногда удивляюсь, как она ещё не заплакала. Вокруг неё так много громких звуков...

— А вот мне, можно и не прятать секрет одной малышки?

Тётя Карла тихо улыбнулась. Я ответила тем же. Просто вскинула к ней ладонь, и мило улыбаясь произнесла:

— О, величественный дух воды...

— Доченька, пожалуй, я была не права, ты зла не держи...

— Вотер Болл!

Моей тайной усладой для глаз, нередко выступали диковины места, в которые нам, по неизвестному мне долгу, приходилось навещать. Где-то, это было сладкое пиршество, где-то странное украшение, в котором на меня странно поглядывали следующие туземцы, которым видимо очень не нравилось блестящее украшение у меня на груди, и не только туземцам, дядя Роулз, пусть он скроет мои тайны, в широком смысле разъяснил мне, почему некоторые вещи, будет лучше всего прятать, нежели трясти у всех на виду. Впрочем, украдкой, и в некоторых местах, мою золотую цепочку, подаренную учителем, я всё-таки не отрицала полностью. В Миллисионе так и вовсе таскалась с ней на виду, и никто её не украл, как грозился мой дядя. И виной тому вовсе не то, что все время я просидела в гостинном доме, от заката и до рассвета борясь с жутко-нудной болью.

И каждый новый регион, каким бы неприятным на первый взгляд он не казался, был вовсе не тем за что себя пытался продать. Так и сейчас, в руки мои попали две лепёшки. Благо я успела выпросить себе ещё одну, когда тётя Карла, скупала продукты. Мне говорили, что в этом месте, наши тела задержатся подольше, чем в прошлых. Но мне то и дела до этого нет, ведь даже не знаю, куда мы все направились.

Казалось и вовсе, путешествие по всему миру — нормально, и так каждый делает. Оказывается, не все, и я уникальна! Аха-ха, да, мне позволила сама судьба, и выторгованное слово Учителя, считать себя лучше, а как же иначе? Впрочем, с другими ровесниками обсуждать свою гордость мне ещё не представилась возможность. Может, когда-нибудь мы и остановимся на одном месте, а я, как и все говорят, пойду в эту их школу?

Только вот, за всеми своими мысленными изречениями, я о чем-то забыла, сбилась с мысли как старая дама...

Лепёшка, ну точно! Я же выпросила две, и одну уже съела. Так бы и вкусила следующую, но не для себя вторую просила.

Он шагал впереди, наравне с самим дядей. Не опуская подбородок, но иногда с холодным пролётом глаз всматривался в окна зданий. Я один раз проследила за его взглядом и заметила только стеллаж книг. В остальном, каждый шаг брата отдавал глухим топотом мягкой подошвы.

Пусть моя голова чуть выше его, но его плечи казались шире. Пусть, мне больше лет, но его слова казались мудрее всех прочих. Пусть, я могла только смотреть, но его действия были взрослее.

Ускорив свой шаг, я потянулась к плечу, схватившись за его, нет, так я хотела сделать, но получилось только ткнуть палец о руку, и неуверенно потянуть за рукав.

«Да что со мной?!» Так тяжело его подхватить взглядом, что тяжелеет голова, опускаясь в пол, а щеки и сами готовы плясать на ладони в красном платье. Разве так сложно отдать такую вкусную лепёшку? Как я могу не поделиться ею с Учителем? Почему сердце так пляшет, ведь уверена я во вкусе продукта за который так торговалась?

Может дело в том, что боюсь я отказа? Боюсь опозорить свой род? Но, какой у меня род, и чего я боюсь? Того, что все остановились?

Глаза в трёх экземплярах, смотрели на меня, мою голову, а скрыв лицо в пол, им открывалась только макушка и уши, которые не так далеко ушли по цвету от щёк.

«Я должна сохранить спокойствие», тихо выдохнув, покосилась направо, где должна находиться тётя. Почему-то мне казалось, что она улыбается, как улыбался и дядя.

— Что-то не так? — как всегда, голос брата, казался строг, а сегодня даже строже обычного. Может про это говорила тётя Карла? Брат так сильно нервничает?

— Бра-ат, я хотела с тобой поделиться... — и не говоря больше ни слова, ведь все остальное уже было неважно. Да и честно признаться, вся смелость, накопленная за два вдоха, так быстро утекла, буквально улетела шаром воды, на эти слова, что я сама поражалась себе. И пока рука тяжелела под тяжестью легкой лепёшки, которая тут называлась пирожным, сердце стучало точно громче и чаще зубов в крепкий мороз.

— Хм, это мне? — я достаточно нахрабрилась, чтобы суметь и поднять голову и даже взгляд, столкнувшись сначала с накидкой брата, уже всей потрёпанной, а после и его подбородком и с губами.

— Да... тебе, — тихо вырвались заветные слова, а голова вдруг потяжелела. Странно, я не опускала её, если только...

— Хорошо, я приму его, — если только учитель не положил свою руку на мою голову.

Во всем теле полегчало, словно я сбросила груз всех проблем, а раньше, тяжелое сердце, сейчас открыло свою клетку и улетело вперёд, не дожидаясь меня самой. Что-то теплое разлилось в груди и прошло по всему телу. Это что-то, само подняло мне губы в улыбке так сильно, что закрывались глаза.

Крикнуть желалось: «Всегда пожалуйста!», но боялась сорвать голос, и вместо крика

неприятно уху пискнуть. А после всех мыслей и вовсе, не было времени, учитель зашагал дальше, как и я, как и все мы.

«А это было просто», слишком просто. Я минутой назад боялась отказа, боялась страшных слов, о которых не знаю, но сейчас же, все хорошо! И так приятно...

— Мари, приди в себя, доченька моя, я все понимаю, но води себя сдержаннее, ты на людях, — шепнув мне на ушко, тётя прижала меня к себе только ближе, к груди.

Мне оставалось недоумевать, с чего подобные слова и вовсе пришли ей в голову? О каком поведении шла речь, если я все время держу себя достойно своего Учителя? Ещё чего, размышлялась моя тётя, видимо её глаза уже подводят от старости, только за малышкой Джинкс и может присматривать.

— Вот, молодец, нос торчком, грудь вперёд, попу назад, и вылитая маленькая копия Нилрема, — и вновь меня пытались мокнуть в алый с головой, но я сдержалась, и только спросила:

— А почему «маленькая»? Я старше учителя, и больше...

— Потому что, твой характер не такой как у нашего великого мага. Твое поведение проще и как я скажу только тебе, мне такой нравится больше.

И дальнейший наш путь, проходил более спокойно, а мои, почему-то не в меру пытливые глазки, дядя Роулз такой выдумщик, углядели не так уж и многое. Открытые ларьки, в которых напоказ были развешены туши зверей, их мясо, иногда целую туши могли подцепить за крюк, он так неприятно качался из стороны в сторону. Лавки со временем сменились жилыми домами. Попадались и легкие на показ жители их отпрыски, как бедные, так и богатые, но что самое главное, чем ближе мы приближались к, видимо центру, тем изобильнее становился сам город. Вот уже и стража, с мечами за поясом, не через раз на каждом втором рынке, а в каждым и её было несколько больше. Ну, здесь и сказать было нечего, такие булочные, где на окраинах сыскать сложно, здесь таились в каждой подворотне и за каждым углом. Плавнo с этим менялись и запахи, все больше привлекая собой меня и других, но только не учителя. Который так и не съел то пирожено. Укусил раза два, а сейчас мне неприятно, казалось, что, увидев так много булочных он и вовсе отправит мои старания в мусорку, или и того хуже, отдаст местному гряз... хорошо, не такому уж и грязную, но точно чуждому мне человеку.

Стоило этим мыслям, скользнуть в голове, как привычная лёгкость обрушилась многотонной плитой мне на плечи. Но все быстро решилось, и как мусор ушла только бумажка, в которую завернуто пирожено. От сердца отлегло, вплоть до момента, как мы остановились.

Я не особо упрашивала дядю или тётю рассказать, куда же мы целились. Да и некогда было спрашивать о такой ерунде, когда мой рот был заполнен другой тучей вопросов или простых разговоров со сводной матерью Карлой. Изредка, к нам присоединялся и сводный отец Роулз. Единственным, но привычно единственным, кто редко попусту болтал так и остался Учитель — мой сводный брат Нилрем. Я знаю, он любит говорить только о своём, включительно магию. С ней у него особенный трепет, который, не скрою, я сама не испытываю. Мне иногда хотелось бы оказаться на месте той наглой воровки, которая возомнила, что может забрать все внимание Учителя. Почему-то его не заботили ни местные цены, ни погода, ни даже жители мест, которые попадали нам на глаза. Но я уже привычно не ждала даже слова, как мы встали перед двустворчатыми воротами, прямо перед аркой, где дежурили четыре стража. Их одели слегка по-другому. И если в прошлых были легкие Акетоны — стёганные куртки да простенький шлем, то эти использовали стеганку по назначению, она была одета под броню,

пускай и легкую. Да и держали четыре стража не просто меч, а их дальнего предка — копье.

Неприятно стоять под их взглядами, словно тем же копьём целются куда лучше им тукнуть, да чтобы побольнее.

Отколовшись от монолитного строя, страж тяжёлой походкой брызнул на нас свои обвинения:

— С чем пожаловали? — вернее, из его уст, это звучало как обвинение, ведь тон был суров и давил своей незримой силой.

— Нам бы узнать, — слово взял дядя Роулз, сложив руки сзади спины, а-ля человек, близкий к старости. Он шагнул вперёд, и я уверена, говорил он с улыбкой. — Возможно, к вам заходили Лили, такая горничная, и Айша, её маленькая дочка?

— Возможно, — кивнул страж, но быстро продолжил, щуря глаза. — Но кто вы и что хотите?

— Ах, вы верно все исковеркали в своей голове, — дядя хохотнул, отступая в сторону, плечом прикрывая Учителя. — Должен вас заверить, у нас нет ничего опасного, и даже дурной мысли не проскакивало, — размашистым жестом он обвёл всех нас и уверенно продолжил. — Мы, семья Лили и малышки Аиши, сюда нас привела долгая дорога, и мы хотели бы увидеть их, узнать, все ли хорошо.

Ах! Я вспомнила! На прошлом привале же говорили об этом! Учитель говорил, что в этом городе должен сохраниться кусочек его семьи, из сестры и матери этой же сестры. Я отлично вспомнила разговор, ведь слегка закрутила мысль, почему та же Лили не была мамой учителя, если же Айша его сестра. Сколько бы я не упрашивала дядю мне разъяснить, он только краснел и неразборчиво о чем-то бурчал. Так получается, мы здесь за ними, все теперь ясно.

— Даже если они и здесь, чем вы докажете, что не пришлые бандиты? — пускай с прежними словами страж нехотя, буквально через силу, но соглашался и кивал, то теперь вновь словно упер руки в бока и недоверчиво щурится.

— Дак, уважаемый страж, все очень просто, прошу приведите Лили, пускай просто увидит нас, и сможет все подтвердить, или даже можете просто сказать моё ей имя, она его точно узнает. Я — Пол, — дядя указал на себя большим пальцем, а после некрасиво указал и на тётю Карлу. — это — Зенит, а вон паренёк, мой сынок, Нилрем, — тон голоса дяди Роулза совсем сжался, как побитый щеночек. — Прошу, я не видел Лили и Аишу уже год, мне очень сложно далось путешествие, из-за проклятой магической катастрофы, — под конец, слова полуэльф будто и вовсе вырывал из себя с характерным болезненным стоном, не мельче чем собственноручное истязание, на которое смотрели все, включая и меня и трёх стражей за спиной четвертого.

Долго думать подозрительному латнику не пришлось. Он все же сжалился, и хлопнув глазами проговорил.

— Я... не имею таких полномочий, да и не могу сходить с поста просто так надолго, но могу попросить прислугу позвать старшую. Если твои слова правда, Пол, то прими мои соболезнования. Не могу даже представить, каково это, утратить всех родных, а после собирать их. Но, вижу тебе улыбнулась удача, будь уверен, уважаемая госпожа Лили, как и госпожа Айша в надёжных руках и не бедствуют, впрочем, больше ты узнаешь у старшей.

Кивнув, дядя Роулз как-то криво улыбнулся, но быстро сменил её на простую и заурядную улыбку.

— Да, спасибо большое.

Он поклонился, а страж лишь смущённо отвернулся, махая рукой. Мужчина проявил себя более живо, когда отмахивался от поклона.

— Не стоит, это того точно не стоит. Да и не нужно спину гнуть, когда рядом сын.

Дядя выпрямился, кинув взгляд назад, на учителя, его губы все так же улыбались, а ещё что-то тихо шепнули, кажется это было: «Я же говорил, все получится».

Из-за спины мне не виднелось светлое лицо брата, но вот слышно его было много лучше. Он так же тихо ответил: «Шёл бы напролом, все закончилось бы быстрее». А после, уже громко, вернее, размышляя вслух будничным тоном добавил:

— И с каких пор Лили, стала госпожой, да ещё и уважаемой?

<http://tl.rulate.ru/book/84638/3194901>